
ТЕОРИЯ: В ПОИСКАХ ИСТОКОВ И ПЕРВОПРИЧИН

Ю. В. ОЛЕЙНИКОВ

ИСТОКИ И ПРОЯВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ МИР-СИСТЕМЫ

Последние несколько лет наглядно демонстрируют тенденции нарастания комплексного системного кризиса капиталистической мир-системы. Эти процессы обусловлены появлением на мировой «шахматной доске» новых сильных игроков, овладевших достижениями технического прогресса и ставших реальной силой, претендующей на изменение иерархии в существующей мир-системе или даже на выход из нее. В статье рассматриваются исторические процессы и этапы эволюции капиталистической мир-системы и тенденции ее дальнейшего существования.

Ключевые слова: мир-система, эволюция, капитализм, социализм, иерархия, борьба, противоречие, война.

Предваряя обсуждение содержания темы, обозначенной в заглавии статьи, необходимо вкратце – на уровне сущностных представлений – описать историческую канву процесса становления и развития капитализма и современной капиталистической мир-системы (понимаемой в соответствии с идеями И. Валлерстайна; см., например: Валлерстайн и др. 2015). Сделать это несложно, поскольку имеется громадный корпус литературы, посвященной данной проблеме, и в интерпретации многих аспектов темы мнения большинства авторов в основном совпадают. Поэтому здесь несколько подробнее будут освещены лишь некоторые недостаточно разработанные и спорные моменты истории становления и эволюции современной капиталистической мир-системы.

Отметим, что отдельные зачатки и проявления ряда существующих ныне хозяйственных укладов возникли еще в глубокой древности. Совершенно определенно особенности капиталистического способа хозяйствования встречаются уже в античности. Непосредственно же становление собственно капиталистического способа производства начинается лишь в лоне господствовавшего в Европе в XIV–XVII вв. феодализма. Этот стихийный – естественно-исторический – процесс блестяще описан Алексисом де Токвилем в книге «Старый порядок и революция», где автор связывает становление капитализма с процессом неуклонного развития производительных сил и прежде всего с появлением новых орудий труда и необходимостью введения и функционирования соответствующих производственных отношений (Токвиль 2019).

На заре становления капитализма процесс начавшейся трансформации общественно-экономического способа производства практически не осознавался. Не было понимания сущности происходящего и на момент революции в Голландии, равно как в преддверии и в ходе Английской буржуазной революции. Лишь когда был накоплен некоторый опыт осмысления существа капиталистических социальных трансформаций, во Франции началась «философская революция» – попытка теоретической рефлексии исторического перехода от феодализма к капитализму, предпринятая рядом выдающихся мыслителей, объединившихся вокруг издателей «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (см., например: Плетников 2014). Философская революция сразу же вскрыла противоречивый характер бытия новой общественно-экономической системы, проявившийся в антагонистическом противостоянии различных слоев населения и между отдельными странами, вставшими на путь капиталистического развития.

Было зафиксировано противоречие в оценках различными рефлексующими стратами общества сущности капитализма и его исторических перспектив, и на этой основе началось формирование принципиально антагонистических идеологий.

Сторонники одной из них приняли и развивали идеи Просвещения, связывая с капитализмом осуществление общечеловеческих идей гуманизма (развития человека, культуры, равенства, братства и свобод), научно-технического и социального прогресса и дости-

жение вечного мира (см., например, историософию И. Канта: Кант 1966).

Вторые, вслед за Томасом Мором, полагали, «что повсюду, где есть частная собственность, где все измеряют деньгами, там едва ли когда-нибудь возможно, чтобы государство управлялось справедливо и счастливо» (Мор 1978: 162). Иными словами, сторонники такого подхода изначально рассматривали капитализм как кризисный социум, в котором экономические противоречия между правящим меньшинством (хозяевами жизни) и остальными стратами населения, составляющими подавляющее большинство, являются по своей сути антагонистическими, что чревато постоянной враждой этих противостоящих слоев и в конечном счете глубоким кризисом системы в целом, фатально неизбежным революционным преобразованием бытия *социального универсума*. Неслучайно одно из первых периодических изданий социалиста-утописта Роберта Оуэна, выходявшее в начале 1830-х гг. (задолго до появления марксизма), называлось «Кризис». Действительно, кризисы (перепроизводства, экономические, финансовые, ипотечные, политические, экологические и др.) разной степени интенсивности и охвата капиталистических обществ и соответствующей мир-системы в разных областях их жизнедеятельности являются постоянно усиливающим свое влияние фактором их бытия. Видимо, вполне закономерно современный этап эволюции капиталистической мир-системы современные исследователи пытаются характеризовать как «кризис кризисов» (кризис в квадрате или даже в кубе, «кризис кризиса кризисов»), «кризис кризисного социума», обозначая этим понятием «исчерпанность моделей современной реальности», свойственных капиталистической мир-системе (Сундиев, Фролов 2019: 70–81).

Эпоха эволюции капиталистического общества началась в эру довольно быстрого развития средств производства и связанного с этим ускорения темпов исторического процесса. Мировая история ознаменовалась стремительным переходом ряда европейских стран, а затем и социальных организмов на других континентах на путь капиталистических трансформаций. Поэтому довольно быстро в координатах исторического времени образовалась своеобразная капиталистическая мир-система – конгломерат капиталистических стран, находящихся на разном уровне становления и развития ка-

питалистического общественно-экономического способа производства, характерной особенностью которого является конкуренция как в среде субъектов частнособственнических отношений внутри отдельно взятых стран, так и среди самих стран – участниц капиталистической мир-системы.

Эта конкуренция проявляется как борьба за получение максимальной экономической выгоды, что, в свою очередь, обеспечивает участникам капиталистической гонки более высокий статус в социальной иерархии отдельного конкретного общества или положения той или иной страны в сложившейся структуре капиталистической мир-системы. Поэтому с самого начала складывания для функционирования последней была характерна дифференциация ее членов на так называемое центральное ядро – страны, являющиеся лидерами научно-технического, экономического, политического и культурного развития, и периферию капиталистической мир-системы – остальные, менее развитые страны, подчиненные гегемонии ядра, во многом лишенные возможности самостоятельно определять траекторию собственного развития, проводить самостоятельную экономическую, социальную, политическую и культурную стратегию.

Странам – аутсайдерам капиталистической мир-системы отводится роль «ближних слуг» центра, и они подвергаются не меньшей эксплуатации, чем другие страны, не входящие в господствующую социально-экономическую страту мир-системы. Конкуренция стран – членов такой мир-системы за место в ее иерархии – атрибут капиталистической мир-системы. Борьба за место в системе осуществляется на разных фронтах и в разных формах: как в форме довольно мирного экономического, научно-технического соревнования, культурного национального развития, так и в форме политической конфронтации, а нередко и активного противостояния, чреватого горячими военными конфликтами. Для мировой системы капитализма имманентна постоянная борьба всех со всеми.

Вопреки сложившимся в последнее время представлениям, «гибридная война» не есть продукт последних десятилетий. В капиталистической мир-системе жестокая борьба за гегемонию сразу же приняла комплексный, многофакторный и, по существу, гибридный характер. Порой в ходе борьбы за место под солнцем капиталистической мир-системы отдельным государствам в силу складывающейся обстановки на арене мирового противостояния

удается самостоятельно, но всегда при согласии стран – гегемонов мир-системы влиться в их ядро. Но чаще это происходит другим путем.

Апофеозом борьбы за вхождение в состав лидеров мир-системы являются мировые войны, заканчивающиеся изменением места ее членов на «шахматной доске». Понятно, что такая ситуация не может продолжаться бесконечно. В силу милитаризации стран системы и колоссальной мощи современных средств воздействия человека на планетарный социоприродный континуум война становится тотальной и весьма разрушительной. Она чревата либо гибелью земного типа социальной жизни, либо же отмиранием капиталистической формы бытия человечества и возникновением принципиально иной социальной организации. «Иного не дано», – этот возникший во времена перестройки в СССР лозунг, под которым доморожденные либералы стремились к вхождению в европейский дом и в мировую капиталистическую мир-систему, в настоящее время обретает прямо противоположный смысл. События начала нового века со всей определенностью показали, что капитализм как социально-экономическая система и в целом капиталистическая мир-система исчерпали возможности своего исторического развития, и на повестке дня стоит вопрос об их кардинальном отрицании. Именно реальная практика эволюции капиталистической мир-системы в XX – начале XXI в. стала объективным основанием для такого понимания сути грядущих глобальных перемен в развитии социальной формы бытия. Эволюционное восхождение собственно капитализма и капиталистической мир-системы и их распространение по континентам предоставляло достаточно возможностей для последовательного вовлечения отдельных стран и народов в эту мир-систему, их включения в нее в статусе периферийных, подчиненных элементов. К концу XIX – началу XX в. практически весь мир был определенным образом структурирован, поделен на сферы влияния. Сложилась система господствующих суверенных государств (ядро мир-системы), относительно самостоятельных лимитрофных стран (сателлитов) и колониально зависимых образований. Тогда, по свидетельству многих современников, казалось, что наступил «золотой век» капитализма. Благодаря индустриализации существенно вырос уровень жизни и благосостояния граждан ве-

дущих буржуазных стран. Государственные границы были относительно открытыми. Люди могли свободно перемещаться по миру, настала эра «вечного мира», и состоятельные граждане погрузились в благоденствие, своеобразную социально-культурную нирвану (Цвейг 2015). Однако к этому времени рельефно проявились глубокие противоречия между ядром капиталистической мир-системы и странами, достигшими заметного развития капитализма, милитаризации экономики и претендовавшими на изменение сложившейся иерархии мир-системы, а следовательно, рассчитывавшими на передел мира и изменение своего места на мировой шахматной доске. Это явилось причиной первого глобального кризиса капиталистической мир-системы, неспособной к дальнейшему развитию на принципах, сформированных в рамках идеологии Просвещения. Этот кризис, по существу, поставил мир перед проблемой кардинального изменения сложившегося миропорядка.

Вопреки простому желанию передела мира при сохранении существа господствующей мировой социально-экономической системы, разразившаяся в 1914 г. Первая мировая (империалистическая) война породила ряд непредвиденных глубоких социальных трансформаций, связанных с чередой социальных революций, происшедших под лозунгом отрицания капитализма и капиталистических принципов организации планетарного общественного бытия, мировой пролетарской социалистической революции. В конечном счете, большинство революционных акций, совершенных под этим лозунгом, оказались безуспешными в силу объективных законов жизнедеятельности общества, поскольку задумывались и осуществлялись они главным образом под влиянием идеологических представлений о смене социальных форм бытия и без должного учета реальной зрелости общества и развития его производительных сил. Во всех европейских странах подобные восстания были подавлены, все внешне вернулось на круги своя, капитализм победил.

И только в России произошли существенные социально-экономические трансформации. Под лозунгом социалистической революции с опорой на диктатуру пролетариата власть в стране перешла к партии большевиков-революционеров. Они, как мы видим сегодня, реально преследовали цели осуществления ускоренной индустриализации, создания материальных предпосылок для пре-

образования капиталистических производственных отношений (на основе частной собственности, наемного труда, товарного производства, отчуждения и т. п.). Они, скорее всего, сами того не подозревая, руководствовались идеей К. Маркса, что даже в условиях диктатуры пролетариата сохранение этих отношений породит лишь «грубый социализм», который по существу эволюционно уступает даже состоянию зрелого, классического капитализма (Маркс 1974).

Можно сказать с определенностью: с работой Маркса, указанной выше, большевики не были знакомы, но в ходе практической деятельности по построению нового социалистического общества В. И. Ленин самостоятельно пришел к представлениям, аналогичным Марксовым. Это довольно убедительно показано в ряде работ отечественных исследователей (Кагарлицкий 2020; Кара-Мурза 2016; Пихорович 2018). В конечном счете партия большевиков, ставшая впоследствии КПСС, оказалась партией индустриализации (Toffler 1980). Эту цель она успешно реализовала в короткое время.

СССР фактически создал к концу 1930 гг. индустрию, адекватную индустрии классического зрелого капиталистического общества. Но вот качественно новые – социалистические – отношения в полной мере создать не удалось. Это и неудивительно, поскольку на базе адекватных капитализму производительных сил (индустриальной, механической машинной техники) подлинно социалистические производственные отношения создать невозможно. В СССР производственные отношения, мягко говоря, оказались соответствующими «грубому», «вульгарному» (Маркс 1974) социализму, «капитализму навыворот» (Булгаков 1991: 223). Так называемый социализм в СССР был фактически своеобразной социальной «кентавр-системой» (Тощенко 2011) («ни то ни се», уже не капитализм в полном смысле слова, но и далеко не социализм).

Те социальные преобразования, которые осуществлялись в Советском Союзе в течение 70 лет после Октябрьской революции, были по форме несколько отличными от собственно капиталистических, но по существу коренным образом не меняли суть производственных отношений, свойственных для классического индустриального общества. Собственность провозглашалась общественной: государственной и колхозно-кооперативной. Как известно, такие формы собственности имеют место и порой составляют значительную часть собственности в капиталистических странах. Ра-

ботник в СССР, как и на капиталистической фабрике, фактически оставался наемным и получал заработную плату за свой труд. Демократические формы самоуправления декларировались, но на самом деле были зарегулированными. Общество управлялось узкой группой партгосноменклатурных работников. Фактически никакого народовластия не было. Реально это было индустриальное общество со специфической формой правления, называемой диктатурой пролетариата, выдаваемой впоследствии за общенародную власть. Подобный режим правления рассыпался тотчас, как только в силу ряда причин ослаб субъект государственной власти (КПСС) и она не смогла искусственно поддерживать принципы, провозглашавшиеся идеологами социализма. Словом, вопреки утверждениям о полном и окончательном построении в СССР социализма в развитой форме и переходе к строительству материально-технической базы собственно коммунизма, социальные «революционные» трансформации в СССР оказались в лучшем случае половинчатыми (Олейников 2013: 628–642). После Первой мировой войны капитализм не был в полном смысле преодолен не только в мире, но и в отдельно взятой стране. А вот изменения в капиталистической мир-системе оказались существенными.

Еще в ходе войны и послевоенного времени свершился распад Австро-Венгерской и Российской империй, осуществился передел мира и сфер влияния ведущих стран капиталистической мир-системы, изменилась ее иерархическая структура. После революции, многолетней кровопролитной гражданской войны и образования СССР советское государство впервые в истории существования капиталистической формации предприняло попытку вырваться из оков капиталистической мир-системы. Тем самым оно стремилось разорвать путы, сдерживавшие технико-технологическое и социально-экономическое развитие России и обрекавшие ее на периферийное существование в мир-системе как поставщика ресурсов и продуктов сельского хозяйства, начать самостоятельное независимое существование в глобальном мире. Только независимое от капиталистической мир-системы существование страны открывало перед ней возможность самостоятельной, суверенной, прогрессивной эволюции, преодоление технико-технологического отставания и осуществление целей собственного социального развития.

В условиях враждебного отношения капиталистических государств к СССР, провозглашавшему своей целью построение социализма, последнему суждено было решать поставленные задачи, опираясь на собственные силы и ресурсы. Для этого пришлось до минимума сократить всяческие отношения с членами капиталистической мир-системы и строить экономику на принципах максимально полной автаркии – формирования замкнутой, самообеспечивающейся экономики, что существенно ограничивало и все остальные связи с миром. В результате был создан прецедент поиска новой модели развития общества на пути некапиталистической формы бытия отдельного социума, противостоящего господствующему миропорядку капиталистической мир-системы.

Противостоять практически всему миру – задача архисложная. Успешному решению этой проблемы способствовала, как ни странно, сама природа капиталистической мир-системы, государственные и частные интересы субъектов которой часто существенно разнятся. Игра на противоречиях, свойственных бытию этой мир-системы, позволяла частично преодолевать проблемы полной изоляции СССР в мире и осуществлять уверенное поступательное движение по пути индустриализации общества и создания материальных условий противостояния враждебному капиталистическому миру в целом.

К началу 1930-х гг. некоторые индустриальные страны Западной Европы, Северной Америки и Япония являли собой образец капиталистического способа производства, где было достигнуто адекватное соответствие существующих буржуазных производственных отношений уровню развития материальных производительных сил, основу которых составляли механическая машинная техника и соответствующие технологии. Капитализм предстал в своей зрелой классической форме. Казалось, что вершина совершенства материальных основ капиталистического способа жизнедеятельности достигнута, и дальше предстоит лишь стабильное развитие капиталистической мир-системы. Но на деле все обернулось прямо противоположной стороной.

Экспансия капиталистической мир-системы столкнулась с двумя существенными трудностями: растущей технической и военной мощью СССР, демонстрирующего пример успешного и независимого развития на периферии капиталистической мир-системы,

а главное, – с практическим исчерпанием к этому времени лимита возможности роста производительности труда на базе использования в качестве средств производства механической машинной техники и соответствующих технологий (включая применение методов автоматизации многих механических производственных процессов). Имевшиеся на тот момент достижения науки и техники не позволяли существенно повысить производительность труда и рост прибыли от бизнеса для обеспечения свойственной капитализму мировой экспансии, что обусловило, вместе с успешным примером развития СССР, нарастание протестной активности в ряде стран капиталистической мир-системы.

На тот момент виделось только два пути обеспечения роста производительности труда: изменение социально-экономического способа производства через социальную революцию или строгая регламентация всей жизнедеятельности людей, призванная обеспечить максимальную экономию материальных и человеческих ресурсов и эффективность их использования для поддержания жизнедеятельности общества.

Первый путь был неприемлем для «хозяев жизни», поскольку вел к отрицанию капиталистического способа жизнедеятельности. Поэтому был выбран второй путь, известный как жесткий тоталитаризм или авторитарное командно-административное регулирование социальной жизни. В странах капиталистической мир-системы тоталитаризм принял форму нацизма, наиболее выраженное проявление которого наблюдалось в Германии, предложившей в качестве его идеологического обоснования идею расового превосходства арийской германской нации. Близкие нацизму фашистские режимы во многих других странах имели свою специфику, но были адекватны германскому по сути. Этим режимам удалось на определенное время подавить протестную социальную активность трудящихся в ряде стран (Германия, Испания), столкнувшихся с проблемами исчерпания потенциалов индустриального типа функционирования производительных сил.

В СССР в это время тоже окончательно сложилась система авторитарного командно-административного правления правящей партии. Практически все вопросы бытия общества решались на верхних этажах власти. По свидетельству Лазаря Кагановича, И. В. Сталин лично решал многие, даже сугубо частные вопросы. Такие,

например, как стоимость мяса на колхозном рынке в каком-нибудь конкретном областном городе, или цену билета на детский сеанс в кинотеатре, или с какой зарубежной фирмой вести переговоры о поставках карданных валов для автозавода (Каганович 2003).

Иными словами, многие проблемы дальнейшей эволюции человечества оказались схожими. Они обостряли существующие на тот момент внутренние противоречия и противостояния государств внутри капиталистической мир-системы и в особенности противоборства этой мир-системы со стоящим вне ее СССР. Нагнетанием конфронтации капиталистических государств с СССР их руководители надеялись переключить внимание масс с внутренних противоречий на внешнего врага. Неудивительно, что мир-система дифференцировалась на два агрессивных блока: тех, кто хотел сохранять свое господствующее положение, и тех, кто ратовал за передел мира и обретение статуса ведущих держав.

Но в лице СССР – отщепенца в рядах капиталистической мир-системы – все вместе они традиционно видели общего врага. Естественно, решить назревшие противоречия мирным путем не представлялось возможным. Мировая война за передел мира стала неотвратимой реальностью. Целью войны было втягивание в мировой конфликт СССР, уничтожение этого внесистемного противника и в целом передел иерархии в капиталистической мир-системе. Однако и на этот раз все получилось не так, как задумывалось.

Развязанная фашистской Германией Вторая мировая война на самом деле обрела двойственный характер. Для СССР она стала Отечественной войной – войной за независимость от капиталистической мир-системы и сохранение своей социально-экономической и политической идентичности. Для остальных стран она была, как и Первая мировая война, исключительно схваткой капиталистических держав за передел мира. Но итог войны опять оказался неожиданным.

Еще до окончания войны ведущие страны-победительницы (Англия, Америка и СССР) договорились о разделе мира на сферы влияния. Более того, в первое десятилетие после окончания войны распалась мировая колониальная система и образовалась своеобразная так называемая мировая «социалистическая система», в которую вошли страны, освобожденные советской армией, и некоторые из тех, которые обрели свободу в ходе развала колониальной

системы. В итоге капиталистическая мир-система существенно сжалась за счет потери части своего ядра (Восточная Германия) и главным образом периферии. Мир оказался биполярным.

Дальнейшее его бытие определялось жестким противостоянием мировых социальных систем: борьбой за расширение сферы влияния, которая осуществлялась в форме гибридной войны, параллельно задействовавшей методы идеологической конфронтации, экономического и научно-технического соревнования, культурного влияния, политического доминирования, гонки вооружений и ряда других. Страны-победительницы создали Организацию Объединенных Наций (ООН), призванную регулировать отношения государств на мировой арене, способствовать сохранению мира и недопущению новой горячей мировой войны.

Однако противоречия между государствами внутри капиталистической мир-системы никуда не делись. Острые противоречия существовали и в соцлагере. Дело доходило до острых политических конфликтов между странами этого лагеря (кризисы в Югославии, Албании, Румынии, Польше) и даже конфликтов с применением военной силы (с участием Венгрии, Польши, Чехословакии, КНР).

Одновременно обострилось противостояние между двумя лагерьми – капиталистическим и социалистическим. Порой это противостояние обретало форму прокси войн, в которых представители разных систем непосредственно участвовали в вооруженных конфликтах. Формы такого участия включали поставки ресурсов, вооружений, военных инструкторов, добровольцев и даже целых воинских формирований, как, например, это было в Корее, на Кубе, во Вьетнаме, Анголе, Афганистане и других горячих точках.

Такие акции реально имели место, но тщательно вуалировались. Фактически две разные социальные системы вели постоянную войну между собой. По большому счету, это противостояние осуществлялось с переменным успехом: с сохранением относительного паритета в вооружениях, сопряженно с освоением новых сфер влияния – в космосе и других областях. Однако в приоритетах функционирования разных социальных систем имелись существенные различия. Капиталистическая мир-система, как и прежде, строилась в основном на принципах усиления гегемонии ядра системы за счет периферии, а советская периферия, напротив,

и в Российской империи, и затем в Советском Союзе, строилась и развивалась за счет перенапряжения и фактического ослабления центра. Там периферия жила на дотациях центра.

Это обстоятельство, в конце концов, сказалось на имидже систем, поскольку по уровню жизни и благосостояния «витрина» капитализма – «страны золотого миллиарда» – демонстрировала гораздо более высокие стандарты жизненного уровня, чем СССР. Однако примерно до середины 1970-х гг. обе системы соревновались почти на равных. И только на этом рубеже наметились первые признаки ослабления антагониста капиталистической мир-системы.

Причиной этого явления стало стечение множества объективных условий, а главное, на взгляд автора, несоответствие субъектного актора задачам созданной Сталиным социальной мир-системы – гегемона глобальной эволюции. Беда в том, что после смерти вождя в руководстве партии и страны практически исчезли люди, способные в глобальном масштабе мыслить стратегически и перспективно, знающие революционную теорию и в целом в достаточной мере культурные и образованные. К руководству пришли практики: партийные функционеры, выдвиженцы-технари и другие далекие от науки и не склонные к теоретическому мышлению люди. Неслучайно от лица этой когорты советских руководителей Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов говорил: «Мы не знаем страну, в которой живем» (Андропов 1983). Эти «не знающие» в итоге привели к краху и СССР, и всю мировую социалистическую систему.

Как это случилось? Выше говорилось, что партия большевиков по существу была партией индустриализации и неплохо ориентировалась в области задач индустриального развития. Но в начале 1950-х гг. наметился революционный переворот в развитии производительных сил. На смену индустриальной технике и технологии, где в качестве орудий труда используются преобразованные по форме макропредметы природы (резец, сверло, молот и др.), стали приходиться нанотехнологии, где в качестве орудий преобразования материального мира стали применяться объекты и процессы наноразмера (Олейников, Борзова 2008: 153–180). Для использования таких орудий производства необходимы и принципиально другие – миниатюрные, более точные и высокоскоростные средства контроля за технологическими процессами, которые способны дать

кибернетика и IT-технологии. Словом, этот этап развития производительных сил общества был связан с коренным изменением всей совокупности средств производства, создаваемых на основе использования принципиально новых законов более широкого спектра наук, нежели это было необходимо для создания индустриального (механического машинного) производства.

Сущность этого принципиально нового явления в развитии общества часто совершенно не осознавалась не только подавляющим большинством инженерно-технических работников, но даже ученых-естественников, а тем более гуманитариями и лидерами государств, принимавшими судьбоносные решения, касающиеся стратегии научно-технического прогресса и социального развития. Так, еще при жизни Сталина начались гонения на генетику, которая, наряду с другими направлениями биологической науки, стала впоследствии локомотивом современной революции в развитии производительных сил. То же происходило с кибернетикой, которую третируют как лженауку (Пихорович 2021).

Наиболее значимым фактором, оказавшим влияние на ослабление СССР и социалистического лагеря, оказались волюнтаристские решения Н. С. Хрущева. В период его правления, когда уже началась научно-техническая революция (НТР), руководимая им партия приняла семилетнюю программу развития СССР, предусматривавшую направление основных сил и средств на создание промышленных предприятий, дублирующих функционирующие в стране производства. Эти заводы и фабрики были созданы еще в эпоху индустриализации и строились на использовании механической машинной техники и технологий, которые к тому времени уже устарели и не шли ни в какое сравнение с производительностью технологий, идущих им на смену в ходе НТР.

За семилетку были построены тысячи таких предприятий, затрачены колоссальные средства, для этого были отвлечены громадные человеческие ресурсы. В итоге было потеряно драгоценное время для освоения новых производительных сил, которые, по существу, могли стать материально-технической базой нового социально-экономического способа производства, на основе которых стало бы возможным коренное изменение производственных отношений и в конечном счете реально реализована идея строительства социалистического общества. СССР и социалистическая мир-

система оказались вновь обречены на роль отстающих, на догоняющую модернизацию.

Страны же капиталистической мир-системы, напротив, «оседлали» НТР, стали интенсивно внедрять в производство нанотехнологии, что значительно сократило объемы ресурсов, затрачиваемых на создание единицы товарной продукции, во много раз увеличило производительность труда, сократило количество работников, занятых в материальном производстве и снизило себестоимость продукции, что позволило существенно повысить уровень благосостояния своих граждан. Словом, они осуществили колоссальный рывок в соревновании двух систем, сделали для обывателя свою модель социального развития более привлекательной, а свою идеологическую концепцию – более эффективной. Однако в отдаленной перспективе переход на масштабное использование материальных средств производства, чуждых этой социально-экономической системе, чреват подрывом ее материально-технического базиса и создания объективных предпосылок для трансформации господствующих производственных отношений, что стало заметной тенденцией в начале XXI в.

Вместе с разрывом в уровне научно-технического и экономического развития, появлением атомного и термоядерного оружия, развертыванием НТР, внедрением ее достижений в сфере новых вооружений и созданием сложнейших технологических объектов гражданской инфраструктуры (атомные электростанции и т. п.) напряженность противостояния двух систем постоянно нарастала. Одновременно с этим нарастала и угроза новой глобальной (мировой) войны с катастрофическими для всего человечества последствиями. Проблема противостояния мировых систем трансформировалась в реальный кризис выживания и бытия человечества.

По сути нынешний кризис – глобальный и системный, своего рода интегрирующий эффект множества совпавших во времени частных кризисов: экологического, финансового, экономического, политического, культурного, нравственного, антропогенного, идеологического, мировоззренческого и целого конгломерата других кризисов общественного бытия.

Противостояние двух мировых систем изматывало и истощало сами эти системы, существенно ограничивало возможности их дальнейшей эволюции. Дело дошло до того, что в 1970–1980 гг.

многие аналитики предсказывали серьезные трудности в их дальнейшем развитии. Однако в силу стечения ряда обстоятельств (энергетический кризис, межгосударственные противоречия соцлагеря, война в Афганистане и конфликты в развивающихся странах на разных континентах, а главное – превосходство Запада в информационной войне и деградация партийной верхушки) и целенаправленной деятельности по дискредитации идеалов и экономического ослабления системы социализма, его совокупному противнику удалось разрушить СССР, а вместе с ним и всю социалистическую мир-систему. Более того, Запад получил возможность использовать потенциал бывших социалистических стран в своих интересах.

Человечество вновь вернулось на круги своя – к единому формату структурирования социального мира, а все члены бывшего мира-антагониста (за исключением, пожалуй, Северной Кореи) переместились в область периферии капиталистической мир-системы. Тем самым эта система обрела возможность продлить свое историческое существование, оттянуть время своей неминуемой агонии. А западная цивилизация после распада СССР и социалистической мир-системы погрузилась в эйфорию «конца истории» (Фукуяма 2004), стремясь уверить себя в том, что капиталистическая система обосновалась на Земле навечно, что ей нет альтернативы, в неизбежности для нее продолжительного периода «устойчивого развития».

Опираясь на эту догму, гегемон капиталистической мир-системы (США) принялся за новый передел мира и упрочение своего собственного миропорядка. Нескончаемой чередой по миру прокатились крупные горячие войны (Ирак, Ливия, Сирия и нынешняя война на Украине), цветных революций и социальных беспорядков (желтые жилеты, ВЛМ и пр.). В результате этих действий над человечеством нависла реальная угроза ядерного омницида*, смертоносных рукотворных пандемий, полной утраты способности человечества контролировать ход эволюции планетарного социоприродного универсума, перспективы «технологической сингулярности» (Шанахан 2017; Олейников 2021а) и произвольного исполь-

* *Омницид* – уничтожение всех жизненных форм на Земле в результате какой-либо антропогенной или естественной катастрофы. – *Прим. ред.*

зования достижений науки и техники в целях и интересах частных производителей.

Особо стоит отметить, что одной из причин «технологической сингулярности» является не просто взрывной, но экспоненциальный рост и соответствующее ускорение научных исследований, их технико-технологического воплощения и применения на практике. Фактически в настоящее время зримо проявляет себя своего рода когнитивный диссонанс, когда большая часть научных публикаций не прочитывается, когда существует масса противоречивых данных и исследований по одной и той же проблеме, когда из-за узкой специализации ученых даже одного и того же профиля они практически не понимают друг друга (Олейников 2020).

В науке и общественном сознании сложилась ситуация, когда человечество знает бесконечно много о многих частностях, но не видит и не понимает общего. Свидетельством этого является сосуществование разных систем и разрозненных представлений о месте и роли человека в природе и обществе и фактическое отсутствие признанного значительной частью людей мировоззрения, адекватного современному состоянию развития социоприродного Универсума, которое бы могло претендовать на роль общего ориентира в жизни человека и общества в целом.

Мир спонтанно движется в неведомом направлении (Олейников 2018). Поэтому люди и не знают, каково их будущее, куда в этой ситуации стремиться и что делать. Остается пассивно принять то, что есть, и жить одним днем. Это порождает нравственный, когнитивный, политический и в целом социальный инфантилизм, нашедший свое воплощение в идеологии постмодернизма, провозгласившего исчезновение большого нарратива (целостных теоретических исследований), конечных истин. Отсюда и трансгуманизм – смерть человека как биологического существа и как вершины развития социальной действительности. На смену приходят идеи и принципы, несовместимые с идеологией Просвещения, с фундаментальными общечеловеческими гуманистическими ценностями. Симптомы кризиса базисных основ идеологии классического капитализма можно перечислять довольно долго.

Не менее красноречив эмпирический опыт наших соотечественников, непосредственно переживших реставрацию капитализма в России и чуть более трех десятилетий назад вернувшихся

в лоно капиталистической мир-системы. Их опыт подтвердил правоту описания Питиримом Сорокиным бытия капиталистического общества на стадии «чувственной культуры», которая отличается от идеациональной, основывающейся на рациональном мышлении, и от идеалистической, строящейся на интуитивном (например, религиозном) познании.

Названным системам культуры соответствуют определенные системы ценностей и истин, которые, в свою очередь, воплощаются в праве, философии, науке, религии, искусстве, структуре общественных отношений, морали и всех других сферах бытия общества и регламентируют поведение и образ жизни людей.

Чувственная культура базируется на преобладании чувственно-го восприятия действительности. «Человек, социокультурный мир и мир ценностей понимается в такие времена преимущественно “материалистически”, “экономически”, “бихевиористически”. Эти времена безразличны к проявлениям “святости”, “идеализма” “нематериальных ценностей” и т. п. <...> Мир социокультурных ценностей целиком низведен до уровня рефлексов и физиологии» (Сорокин 2006: 512–513). Более того, благодаря развитию науки и техники чувственная культура «вручила человеку ужасающую власть над природой, обществом и культурой, не обеспечив его при этом ни средствами самоконтроля, ни властью над своими стремлениями, чувствами и инстинктами – теперь, в руках такого человека со всеми достижениями науки и техники, она становится чрезвычайно опасной и для самого человека...» (Там же: 793).

В такие времена преобладающими становятся тенденции распада чувственной суперсистемы. Стираются границы между истинной и ложью, между положительными и негативными ценностями, справедливым и несправедливым, прекрасным и безобразным. Наступает господство когнитивной, нравственной и социальной анархии. Чувственная ментальность все чаще трактует человека и его ценности физико-химически, биологически, механистически, рефлексивно, психоаналитически, экономически, представляя его конгломератом атомов, электронов, протонов, своего рода биороботом.

Договоры и соглашения утрачивают обязательность. Практически отрицаются фундаментальные принципы демократии и неприкосновенности частной собственности. Торжествуют цинизм и гру-

бая сила. Свобода становится привилегией сильных мира сего. Во властных структурах торжествует посредственность. Властителями культуры и общественного мнения становятся журналисты, шоумены и прочие клоуны. На место гениев приходят псевдомыслители, ремесленники от науки и искусства. Место знания занимает информация. Бестселлер заменяет классику, подражание – творчество, внешность – содержание. Дegradiрует способность абстрактного мышления. Скука поражает большую часть населения. Растут апатия, anomия, фрустрация, число психических расстройств, депрессий, самоубийств, преступность, снижается в целом безопасность жизни. Словом, современное капиталистическое общество «достигло крайней точки моральной деградации. <...> Его хваленый утилитаризм, практицизм и прагматическая целесообразность обернулись самой непрактической и неутилитарной катастрофой» (Сорокин 2006: 433, 504). Чувственная культура и ее носитель – капиталистическое общество – «пребывают в агонии» (Там же: 793).

Исчерпание потенциала развития современной капиталистической мир-системы особенно наглядно предстает в событиях начала нового столетия, когда периодические кризисы в отдельных ее сферах слились в общей глобальный перманентный системный кризис – кризис кризисов кризисной мир-системы. Практически с начала века весь мир потрясает череда экономических, финансовых, банковских кризисов, нарастает угроза планетарной экологической катастрофы (Олейников, Борзова 2008: 89–129). Наиболее наглядно они проявились в последние три года.

Особенность острых критических ситуаций в эволюции планетарной капиталистической мир-системы состоит в том, что в нем задействовано не только большое количество стран с разными интересами, но и бесконечное множество других участников: от международных корпораций и отдельных фирм до каждого конкретного человека. Являясь конкурентами в глобальной схватке, они готовы на все в борьбе с противником. Поэтому достоянием гласности становятся многие тайны. Эти конфликты становятся своеобразным моментом истины, поскольку невольно вскрывают сущность происходящего.

Подобная ситуация стала явью не только для интеллектуалов, но и для многих обывателей уже в начале 2020 г., с объявления

ВОЗ, работающей под эгидой ООН, пандемии коронавируса, вошедшего в обиход как COVID-19. Это заявление было сделано вопреки всем существующим правилам, касающимся подобных событий. ВОЗ, в основном контролируемая частными инвесторами, принялась разрабатывать обязательные для всех правила борьбы с новой инфекцией, которые, как впоследствии оказалось, часто были научно необоснованными. Практически официальные средства массовой информации блокировали доступ ученых и общественности к подлинной информации об истоках пандемии, эффективности мер борьбы с ней и т. д. Под предлогом борьбы с пандемией вопреки существующим законам систематически нарушались основные права и свободы граждан, принимались антиконституционные законы и нормы, осуществлялась политика покровительства некоторым влиятельным группам фармакологического и ряда иных сфер бизнеса. На деле апробировались различные средства и технологии манипуляции огромными массами людей, включая стратегию тотальной лжи как средства господства над обществом (Стивенс-Давидовиц 2018; Фуллер 2021). Под предлогом неясного происхождения COVID-19 хозяева жизни, несмотря на некоторые издержки, в целом реализовали массу мер, направленных на укрепление своего классового господства (Олейников 2021б).

Не меньшим свидетельством кризиса системы стала ситуация вокруг вооруженного конфликта на Украине. Конфликт последней с Россией явился не столько причиной подъема и фактической легализации русофобии (Меттан 2017), сколько итогом давно вынашиваемой США программы пересмотра сложившейся иерархии и сфер геополитического влияния в капиталистической мир-системе. Кровавопролитное столкновение России с Украиной с точки зрения интересов США направлено на ослабление не только собственно России, но и Западной Европы в лице Европейского союза. США же обогащаются на поставках вооружений, сплачивают вокруг себя ослабленных партнеров, сколачивают новые блоки против Китая – своего основного реального экономического соперника, претендующего на роль сверхдержавы, имеющего собственную программу передела мира и установления соответствующего миропорядка. Для осуществления этих намерений США и их партнеры не останавливаются ни перед чем, готовы на любое преступление. Их усилиями возрождаются нацизм на Украине и неонацизм в Европе.

В ход идут русофобия, практики геноцида и «отмены» русской культуры. Нормой становятся массовые поставки летального оружия, вербовка наемников и отправка военнослужащих стран НАТО для участия в военных действиях, ведущих к уничтожению мирных людей. Налицо пренебрежение базовыми ценностями (священным правом собственности и свободы слова), поощрение внесудебных преследований, применения насилия и пыток к военнопленным и мирным гражданам, методов неприкрытого шантажа политиков, подкупа истеблишмента многих стран мира и т. п.

У России в этом конфликте совершенно иные интересы. Она, несомненно, борется за обеспечение своей безопасности, за сдерживание продвижения НАТО к своим границам. Народы России в большей мере, чем другие, испытали ужасы борьбы с национализмом фашистского типа и поэтому готовы бороться с совокупным Западом, невзирая на колоссальные издержки. Россия преследует цель вновь вырваться из разряда периферийных стран капиталистической мир-системы, изменить место, отведенное ей в этой иерархии, стать самостоятельным, суверенным игроком на мировой арене. Это не только борьба за право вхождения в клуб ведущих держав планеты, но и борьба за выживание и собственную идентичность, которая существенно отличается от идентичности европейского дома. В этом смысле цели специальной военной операции в чем-то схожи с целями и задачами Отечественной войны. Неслучайно для российских воинов и бойцов ДНР и ЛНР так знаочно знамя Победы.

Сегодня трудно судить, каков будет конечный расклад сил. Ясно, что капиталистическая мир-система не будет полностью отвергнута в ближайшее время. Этого не хотят правящие элиты практически всех стран мира. Но то, что миропорядок претерпит существенные изменения, несомненно. Каков он будет на самом деле, пока не в состоянии предсказать никто, поскольку в ходе современного, по сути глобального конфликта в капиталистической мир-системе, вопреки всем усилиям и лукавым лозунгам «хозяев жизни», многие люди на планете непосредственно осознают суть этой системы, ее истинную природу, реальные цели и интересы конфликтующих сторон.

Литература

Андропов, Ю. В. 1983. Речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. Андропова. В: *Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14–15 июня 1983 года*. М.: Политиздат. С. 6–19.

Булгаков, С. Н. 1991. *Христианский социализм*. Новосибирск: Наука. 350 с.

Валлерстайн, И., Коллинз, Р., Манн, М., Дергульян, Г., Калхун, К. 2015. *Есть ли будущее у капитализма?* М.: Изд-во Ин-та Гайдара. 320 с.

Каганович, Л. М. 2003 *Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника*. М.: Вагриус. 672 с.

Кагарлицкий, Б. Ю. 2020. *Периферийная империя: Россия и мир-система*. М.: Ленанд. 456 с.

Кант, И. 1966. *К вечному миру. 1795*. В: Кант, И. Соч. в 6 томах. Т. 6. М.: Мысль. С. 257–310.

Кара-Мурза, С. 2016. *Дорога в СССР. Как «западная» революция стала русской*. М.: Алгоритм. 208 с.

Маркс, К. 1974. Экономическо-философские рукописи 1844 года. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., Соч. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры. Т. 42. С. 43–174.

Метган, Г. 2017. *Запад-Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса*. М.: Paulsen. 2017. 468 с.

Мор, Т. 1978. *Утопия*. М.: Наука. 417 с.

Олейников, Ю. В.

2013. Альтернативы постиндустриальной модернизации. *Философия и культура* 5(65): 628–642.

2018. *Концепт новой мировоззренческой парадигмы и мегатренды эволюции социоприродного универсума*. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та. 214 с.

2020. Непонятная современность (провокативное эссе). *История и современность* 2: 108–131. URL: <https://doi.org/10.30884/iis/2020.02.07>.

2021a. Сингулярность постиндустриального общества. *Знание. Понимание. Умение* 2: 85–95. URL: <https://doi.org/10.17805/zpu.2021.2.5>.

2021b. COVID-19 как зеркало общества постмодерна. *История и современность* 2: 75–97. URL: <https://doi.org/10.30884/iis/2021.02.04>.

Олейников, Ю. В., Борзова, Т. В. 2008. *Экологическое взаимодействие общества с природой (философский анализ)*. М.: Изд-во РГСУ. 224 с.

Пихорович, В. Д.

2018. *Марксизм и миросистемный анализ: Заметки на полях книги «Есть ли будущее у капитализма?»*. М.: Ленанд. 200 с.

2021. *Очерки истории кибернетики в СССР*. М.: Ленанд. 288 с.

Плетников, Ю. К. 2014. *Собственность и богатство: Интеллектуальная хроника раннего капитализма в Западной Европе*. М.: Прогресс-Традиция. 255 с.

Сорокин, П. А. 2006. *Социальная и культурная динамика*. М.: Астрель. 1176 с.

Стивенс-Давидовиц, С. 2018. *Все лгут. Поисковики, Big Data и Интернет знают о вас все*. М.: Эксмо. 384 с.

Сундиев, И. Ю., Фролов, А. Б. 2019. Наука в период «переквантования реальности» и информационно-когнитивные механизмы социальной деструкции. *Экономические стратегии* 5(163): 70–81. URL: <https://doi.org/10.33917/es-5.163.2019.70-81>.

Токвиль, А. де. 2019. *Старый порядок и Революция*. Челябинск: Социум. 372 с.

Тощенко, Ж. Т. 2011. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа). М.: Новый хронограф. 552 с.

Фукуяма, Ф. 2004. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ; Ермак. 588 с.

Фуллер, С. 2021. *Постправда. Знание как борьба за власть*. М.: Изд. дом ВШЭ415. 369 с.

Цвейг, С. 2015. *Вчерашний мир: Воспоминания европейца*. М.: КоЛибри. 592 с.

Шанахан, М. 2017. *Технологическая сингулярность*. М.: Точка, Альпина Паблишер. 256 с.

Toffler, A. 1980. *Die Zukunftschance: Von dieIndustriegesellschaft zu einer humanesen Zivilisations*. Munchen: C. Bertelsmann. 509 S.